

ЕЛИЗАВЕТА БУТА

КРИМИНАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГ О САДИСТЕ И КАННИБАЛЕ ГОЛОВКИНЕ

МАНЬЯК ФИШЕР

ИСТОРИЯ ПОСЛЕДНЕГО

РАССТРЕЛЯННОГО В РОССИИ УБИЙЦЫ

«СЕРИЙНЫЙ УБИЙЦА ПО ПРОЗВИЩУ
«УДАВ» И «УЧЕНИК ЧИКАТИЛО».

«...БЫЛ ПРИЗНАН ВМЕНЯЕМЫМ,
С ПРИЗНАКАМИ ШИЗОИДНОЙ
ПСИХОПАТИИ».

Мир глазами убийцы

Елизавета Бута

**Маньяк Фишер. История
последнего расстрелянного
в России убийцы**

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бута Е. М.

Маньяк Фишер. История последнего расстрелянного в России убийцы / Е. М. Бута — «Эксмо», 2022 — (Мир глазами убийцы)

ISBN 978-5-04-174028-3

В 1996 году в России провели последнюю смертную казнь. В Москве расстреляли убийцу 11 детей. ...Долгое время никто не мог опознать и идентифицировать человеческие останки, найденные в районе Звенигородского лесничества. Тела были так обезображены, что помочь в этом могли лишь судебные эксперты, но те всё никак не могли написать заключение. По всему выходило, что тела жертв принадлежали мальчикам лет тринадцати, но... поседевшим раньше времени. Рассказывают, что, когда Андрею Чикатило показали снимки истерзанных трупов, он с ужасом и отвращением отодвинул фотографии в сторону и сказал: «На такое даже я не способен». Сергей Головкин, скромный сотрудник Московского конного завода и один из самых опасных серийных убийц России, за несколько лет своей «карьеры» стал легендой. Его именем пугали подростков, о нем рассказывали по вечерам в пионерских лагерях. Вот только никто не знал, что это Головкин. Его называли «Фишер», и он казался больше, чем человеком...

• Кем на самом деле был персонаж страшилок, реально оборудовавший в своем гараже филиал пыточного ада? • Как «дядя Сережа», которого уважали коллеги и обожали ученики из группы профподготовки, обыкновенный человек, превратился в садиста и убийцу? • Почему приговор Фишеру привели в исполнение уже после вступления в силу моратория на смертную казнь? • Как удавалось Фишеру много лет оставаться безнаказанным? Об этом рассказывает известный криминальный психолог в документальном триллере, основанном на материалах допросов и интервью с убийцей. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1-94

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-174028-3

© Бута Е. М., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Пролог	7
1	8
2	13
3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Елизавета Бута Маньяк Фишер История последнего расстрелянного в России убийцы

Покорность рождает насилие

*** * ***

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Елизавета Бута, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Пролог

Он брел, не разбирая дороги, не понимая, куда идет, но зная, что должен двигаться вперед. В голове осталась одна-единственная мысль: «Нужно. Идти. Дальше». Шаг за шагом. Рано или поздно любые пути куда-нибудь приводят. Главное – не спотыкаться.

– Я нашел его! – закричал один из подростков, заметив Андрея¹. Из разных частей леса послышались шорохи и треск ломающихся веток. Несколько нарядов милиции, отряд мальчишек-добровольцев и весь персонал пионерского лагеря ринулись на крик.

– Где? – выдавил из себя запыхавшийся пионервожатый, который последние часов двенадцать перебирал в уме подходящие способы суицида. Он не представлял, как жить дальше, ведь из-за его безалаберности пропал ребенок.

– Там, – испуганно произнес паренек, не отрывая взгляда от фигуры обнаженного, изуродованного товарища, который, словно слепой, машинально шел вперед.

– Не спотыкаться, не спотыкаться, – говорил Андрей. Вернее, думал, что говорил, – вместо слов из его горла вырывались только нечленораздельные хрипы.

Из леса стали появляться люди. Несколько патрульных, участковый с помощником, другие добровольцы... Все они застывали на опушке при виде Андрея, который силился идти дальше и дальше. Лицо и тело мальчика были покрыты кровоподтеками и ссадинами. Он был облеплен листьями, прутьями и комьями земли. Но страшнее всего выглядела шея, которую перерезала глубокая, зияющая красным странгуляционная борозда. Опомившись от первого шока, Дорохов решительно шагнул к подростку, взял его за плечи и начал трясти:

– Имя! Кто это сделал?! Имя, парень! Ты его знаешь?!

– Не спотыкаться, не спотыкаться, не... – хрипел Андрей, но никто не мог разобрать его слов.

¹ Имена жертв, а также некоторых участников следственных действий были изменены из этических соображений.

1

Ничего страшного

Конец 1950-х

Женщина может позволить себе все, что угодно, но она не имеет права быть некрасивой. Лариса понимала, что не блещет умом, да и внешность ее оставляла желать лучшего. По крайней мере, девушке так часто твердили о ее заурядности, что она успела смириться с этим знанием. Уставшая от одиночества, мать с ранних лет внушала Ларисе мысль о том, что самое главное – найти спутника жизни. В случае дочери женщина считала, что нужно сделать это как можно скорее. Молодость – хоть и дорогой, но скоропортящийся товар. «Оденься поярче, возьми помаду у соседки», – наставляла она девушку, когда та собиралась на танцы в дом культуры.

Природа наделила Ларису стройной фигурой, но и только. Жидкие, непослушные русые волосы мышиного оттенка казались обмасленными на макушке и завивались в несуразные сухие завитки возле плеч. Плохая от природы кожа в подростковом возрасте покрылась угрями, а к двадцати годам прыщи сменились веснушками и пятнами. Маленькие, глубоко посаженные глаза тоже не красили девушку. Единственным достоинством оставалась юность, которую срочно нужно было продать, причем как можно дороже. Увидев в сельском клубе красивого и веселого студента из Москвы, она заявила:

– Выйду за него замуж.

Подруги тогда подняли ее на смех, а Лариса добилась своего. Александр был дальней звездой, кем-то с другой планеты. Москва находилась всего в ста километрах от их совхоза, но это расстояние казалось недостижимым. Ежегодно в их район присылали студентов «на картошку», поэтому мечтой каждой было влюбить в себя какого-нибудь москвича и заставить его жениться. Это считалось самым простым способом перебраться в столицу.

На дворе стояли 1950-е. Скромный, основательный и педантичный Александр к своим двадцати годам практически не имел опыта общения с противоположным полом. Внимание Ларисы польстило ему, и к концу своей вынужденной ссылки он уже позвал ее замуж. Конечно, девушка тут же согласилась.

Первым делом Лариса постаралась забыть о том, где родилась, сжечь все мосты, чтобы сестры или мать ненароком не вздумали приехать погостить к ней на неопределенный срок.

Им с Александром выделили комнату в общежитии. День и ночь в десятиметровой клетушке околачивались однокурсники молодого мужа. С ними этот тихоня удивительным образом перевоплощался в гостеприимного рубаху-парня. Лариса терпеть не могла шум, пьяных друзей и песни под гитару, которыми сопровождалась любые посиделки. Какое-то время девушка старалась поддерживать придуманный себе образ. Улыбалась гостям и даже изображала любовь к походам и сплавам на байдарках. Но с течением времени ей все это надоело. Целью жизни стали беременность и квартира, которой было значительно проще добиться, имея ребенка. Как назло, зачать не удавалось довольно долго. Следовательно, и получение заветного жилья откладывалось. Через пару лет после свадьбы удача ей улыбнулась, и вскоре молодые переехали в новую квартиру на окраине столицы. Лишь спустя время поселок Новоаксиньино стал называться Москвой. В конце же 1950-х этот жилой район еще только застраивался блочными пяти- и девятиэтажными домами, в которых выделяли квадратные метры сотрудникам близлежащих НИИ.

Беременность молодой женщины протекала тяжело. Гинеколог был сильно обеспокоен состоянием плода, а Лариса, в свою очередь, уже почти похоронила еще неродившегося малыша. К моменту рождения сына женщина успела проиграть в голове тысячу вариантов смерти первенца, смогла пережить это и смириться с бесплодием.

Сергей Головкин появился на свет 26 ноября 1959 года. Младенец запутался в пуповине и уже посинел от нехватки кислорода. Врачи сделали невозможное и все же добились первого крика. Но все понимали, что шансов выжить у младенца немного. Вдобавок ко всему у новорожденного обнаружился серьезный врожденный дефект: воронкообразная грудь. Сам по себе недостаток не самый страшный. У многих людей впалая грудь: у кого-то чуть больше, у кого-то меньше. Однако нередко эта врожденная физиологическая особенность сопровождается целым букетом проблем со здоровьем и очень часто – пороком сердца. Только через неделю мальчика показали матери. До этого момента врачи не рисковали идти на столь важный шаг. У молодой женщины это первенец. Совсем не факт, что он выживет. Незачем ей видеть его живым. Одно дело – выкидыш или мертворождение, и совсем другое – смерть ребенка после родов.

Сегодня необходимости тесного контакта между младенцем и матерью сразу после родов придается исключительное значение. Однако в те годы это считалось большим преувеличением. Все должно было проходить согласно утвержденным стандартам и под медицинским контролем. В порядке исключения женщине давали подержать новорожденного, но, естественно, только в том случае, если его жизни уже ничто не угрожало. Лишь много лет спустя в Штатах одиозный психолог Тимоти Лири и ряд его последователей докажут, что дети, которых в первые минуты жизни не передали матери, невротичны, склонны к депрессии и часто имеют более низкий эмоциональный интеллект. Едва появившись на свет, ребенок оказывается во враждебном, доселе неизведанном мире. Когда мать прижимает к сердцу младенца, происходит импринтинг: малыш проникается безусловной любовью к самому близкому существу, способному его защитить. В обратную сторону это, кстати, не работает. Женщина не начинает любить своего ребенка, просто взяв его на руки. Это чувство пробуждается со временем и пропорционально прилагаемым усилиям.

Сережа выжил, но Лариса вернулась из роддома с ощущением, что стала матерью инвалида. Она принялась ходить с ним по врачам, то и дело принося какой-то новый диагноз. Теперь уже ни о каких друзьях, ни о каком веселье в их доме не могло быть и речи. Больной малыш требовал неустанного внимания и абсолютной тишины. Новоиспеченному отцу было невыносимо каждый вечер заходить в этот дом скорби и молчания, где не допускались никакие громкие звуки. Смех и радость оказались под запретом, ведь ребенок болен. Мужчина не мог этого выносить и постепенно начал винить во всем сына.

Лариса никогда не любила мужа. Чувства являются обязательным строительным материалом для создания крепкой семьи. Они помогают примириться со всеми недостатками партнера. Если изначально этого цемента нет, то в конце концов остаются только раздражение и отвращение. По крайней мере, так произошло с молодой женщиной, которая постепенно начала ненавидеть супруга. Уйти от него она не могла – не уезжать же в совхоз к матери с больным сыном на руках. Жить с мужем тоже оказалось невыносимо, и постепенно это чувство становилось все более взаимным.

Александр начал выпивать по вечерам. Теперь он делал это в одиночестве. Алкоголь превращал тихого педанта в агрессивного и жестокого тирана. Те поступки, которые он творил в состоянии опьянения, пугали иной раз даже его самого.

В сентябре 1962 года Сережу определили в детский сад. В первый день мать так тщательно собирала ребенка, что мальчик уверился в том, что ему предстоит сложное испытание. И вот его привели в большую комнату, где уже играли несколько детей. В этот момент какая-то женщина буквально втащила в помещение упирающуюся, рыдающую девочку лет трех. Все

дети тут же принялись с интересом наблюдать за происходящим. Мать девочки извинилась перед воспитательницей и постаралась успокоить ребенка. Крик, нараставший в недрах впалой Сережиной груди, в этот момент наконец вырвался наружу. Мальчик не боялся расстаться с матерью, но сейчас он вдруг понял, что его оставили один на один со всеми этими детьми. А вот это уже было по-настоящему страшно!

Сережа орал, рыдал, задыхался и катался по полу. Воспитательницы не раз видели подобные представления и прекрасно знали: главное – не обращать на такого ребенка внимания, чтобы не поощрять истерику. В какой-то момент крик сменился рвотой, а на колготках мальчика расплылось мокрое пятно.

– А ну пойдем, поганец, – прошипела высокая пожилая воспитательница и схватила новичка за руку. Она притащила его в какую-то холодную темную комнату, заставленную кроватями.

– Будешь сидеть здесь, пока не успокоишься, сказала женщина и вышла за дверь.

Оказавшись один, Сережа быстро затих. Вечером, когда Лариса пришла за мальчиком, воспитательница битый час жаловалась ей на поведение сына. Под конец этого унижительного разговора она выдала матери перепачканные рвотой и мочой вещи.

Так случалось раз за разом еще очень долго, пока наконец Ларисе не удалось добиться перевода сына в другой сад, считавшийся элитным. Теперь для того, чтобы добраться до места, нужно было проехать пять остановок на автобусе, но зато Сергей больше не катался в истерике по полу.

Александр считал, что сын просто издевается и манипулирует матерью, и старался воспитывать ребенка в строгости. За годы семейной жизни мужчина привык к пытке молчанием. Поначалу его выводила из себя тишина в квартире, но спустя несколько лет он примирился с тем, что единственный голос, который можно было услышать в их квартире, принадлежал диктору Кириллову.

Сереже было четыре года, когда Лариса в один из дней попросила мужа отвезти ребенка в сад. Александр отнекивался, сколько мог, но в итоге сдался. Молча взяв за руку мальчика, отец повел его к автобусной остановке. Тем морозным утром мужчина испытывал отвращение к целому миру, но в первую очередь к сыну, из-за которого пришлось в такую рань выйти из дома. Сережа же в семь утра пребывал в прекрасном расположении духа, и даже раздраженный отец не мог испортить ему настроение. Всю дорогу до сада он бродил по автобусу, садился то на одно пустующее место, то на другое, а потом и вовсе забрался на сиденье с ногами.

– Слезай, я сказал, – в очередной раз прикрикнул отец, но Сергей не обратил на это никакого внимания. На них уже начали неодобрительно поглядывать пожилые женщины, которым вечно куда-то нужно попасть ранним утром. – Значит, дальше сам доберешься, я из-за тебя позориться не собираюсь, – провозгласил мужчина, когда автобус затормозил на очередной остановке. Ребенок только в этот момент осекся и начал сползать с сиденья, но было уже поздно. Двери захлопнулись, и фигура отца начала стремительно удаляться. Мальчику стало нечем дышать, а его глаза наполнились слезами. Он бы бросился на пол в истерике, но перед кем было ее устраивать здесь? Кто бы его сейчас стал слушать?

В этот момент автобус остановился, и Сережа увидел в отдалении знакомое здание детского сада. Он беспомощно оглянулся в поисках человека, который поможет ему спуститься по высоким ступенькам, чтобы выйти из автобуса, но желающих прийти на помощь не оказалось. Пассажиры, которые укоризненно качали головой из-за того, что ребенок прыгает по салону, теперь сосредоточенно глядели в окно.

Мальчику удалось благополучно добраться до сада, но спустя какое-то время ситуация повторилась. Правда теперь, когда ребенок начал баловаться, отец вышел из автобуса, не произнеся ни слова. Сережа так и не понял, что произошло. К тому моменту он уже напрочь забыл о том, как в прошлый раз расшалился и разозлил отца, который так и не объяснил, в чем

было дело. Пытка молчанием и одиночеством стала излюбленным инструментом давления в их семье. Сереже приходилось догадываться, чего именно хотят от него родители. Всякий раз, когда сын появлялся в поле зрения, они тут же умолкали. Если мальчик делал что-то не то, мать с отцом переставали с ним разговаривать до тех пор, пока он не исправится. Сережа был не против сделать все правильно, но чаще всего он просто не понимал, чем именно вызвал гнев взрослых.

Когда человека перестает устраивать окружающая действительность, он ищет убежище в мире собственных фантазий. Невыносимыми являются две вещи: непредсказуемость и равнодушие. Все остальное можно пережить. Однако эти факторы не просто угрожают жизни, они ставят под сомнение саму возможность оставаться *личностью и продолжать* существовать дальше. Тебя не замечают, а от твоих поступков ничего не зависит. Есть ли ты на самом деле? Родители Сережи по незнанию и врожденной холодности оставили мальчика в вакууме эмоционального отчуждения, подбросив туда чувство стыда и собственной неполноценности. На людях Лариса демонстрировала материнскую любовь, оправдывая ожидания окружающих, но, оказавшись один на один с ребенком, переставала его замечать. Сын был для женщины своего рода дорогой вазой. Такую вещь можно поставить где-нибудь в углу, иногда стирать пыль и проверять, все ли с ней в порядке. Если вдруг понадобится, достаточно просто подойти и взять ее в том же месте, где оставил. У вазы не может быть чувств и мыслей, вазу не нужно обнимать и поощрять. В те годы считалось, что хвалить ребенка в принципе неправильно, так как он загордится и будет ставить себя выше других, захочет выделиться из коллектива.

В психологии такой тип людей, как Лариса, получил название «шизофреногенной матери». Шизофренией, вопреки первоначальной теории Фромм-Райхман², заболеть из-за этого невозможно, а вот расстройство личности по данному типу почти гарантировано. Такой комплекс особенностей развития характеризуется отчужденностью, отгороженностью от мира, уплощением эмоциональной сферы. Проще говоря, человек оказывается перед выбором: реальность или собственные фантазии – пусть ужасные и пугающие, но предсказуемые, понятные и контролируемые. Если вдуматься, никакого выбора здесь нет: когда до человека никому из окружающих нет дела, он всегда предпочтет иллюзорный мир.

Обычно считают, что психопаты – это люди без жалости, совести и чувств. На самом деле их эмоции и чувства никуда не деваются. Они просто искажены. При разных типах психопатий нарушение аффекта выглядит по-разному, но в случае шизоидной психопатии оно происходит по так называемой формуле «дерево-стекло». Стоит отметить, что дихотомия «дерево-стекло» является общей почти для всех видов расстройств личности. Человек может спокойно воспринять новость о смерти близкого человека, оставаясь жестким, как дерево. Но если он, к примеру, потеряет любимого плюшевого мишку или кто-то без спроса прочтет его дневник, то это может привести даже к самоубийству. В такой ситуации тот, кто страдает шизоидной психопатией, оказывается хрупким, как стекло. Никакой логики. Может показаться, что невозможно предсказать, как он отреагирует на ту или иную ситуацию и какие эмоции продемонстрирует, но это не так. Представьте себе, что вы смотрите фильм, в котором умирает главный герой. Что вы почувствуете, узнав о гибели Джеймса Бонда? Наверное, расстроитесь. Особенно ранимые натуры даже всплакнут, но уже минут через пятнадцать выкинут грустные мысли из головы. Психопат может воспринять так смерть близкого: нечто важное, но происходящее на экране, ненастоящее. Плюшевый мишка или дневник – вещи, играющие важную роль в тщательно выстроенном мире их фантазий. Они и есть настоящее. Это новость из главного для них мира.

² Фрида Фромм-Райхман (1889–1957) – немецкий и американский врач, психоаналитик и психотерапевт, пионер в аналитически ориентированной психотерапии психозов и представитель неопсихоанализа. Содействовала формированию неофрейдизма. Автор теории шизофреногенной матери. Первая супруга Эриха Фромма.

Ну и что страшного? Недолюбили, недохвалили и недообнимали в детстве, потом все выправится. Верно? Достаточно сходить на пару тренингов личностного роста, попадать на чьи-нибудь руки в рамках упражнения на доверие, и все переменится. К сожалению, это так не работает. Выраженное расстройство личности, давшее о себе знать в детстве, затрагивает моторные нейроны. Мы с рождения учимся понимать других людей, распознавать их мимику и жесты, реагировать в соответствии с тем, *чего от нас ждут*. На лице собеседника гнев – лучше уклониться от общения. Он улыбается – нужно улыбнуться в ответ. *Идущий вам навстречу двинулся вправо – вы делаете шаг влево, чтобы не столкнуться*. Мы считываем эти сигналы машинально, не обдумывая и не анализируя, потому что научились этому с детства. Если же человек не видит каждый день лица близких, не слышит обращенную к нему речь, эмоциональные реакции окружающих могут означать и то и другое, а их слова – вообще что-то третье. Моторные нейроны при этом тормозят и буксуют: понимать и видеть сигналы других людей оказывается невыполнимой задачей. Так рождаются неловкость и неуклюжесть, непонимание намеков, подтекста, сарказма и еще тысяч других сложных структур, благодаря которым происходит полноценное общение. Конечно, можно всему научиться и все скомпенсировать – при должном уровне мотивации, самоотверженности и героизма, разумеется. Но зачем? Вспомните, как тот, кто не умеет плавать, ведет себя на пляже. Сидит на берегу и наблюдает. Возможно, он отважится подойти к воде и помочить ноги. Но не дай бог его окатит большой волной. Это будет фобия на всю жизнь. Человек отбежит на сто метров. Найдутся и те, кто все же решится войти в воду и хотя бы попытается плыть по-собачьи. Вот только в воде сотни других людей, которые могут начать тонуть, *увлекая за собой оказавшихся рядом пловцов*. А вдруг начнется шторм и волна накроет с головой? Как поступит не умеющий плавать? Он поспешит на берег в поисках места, с которого видно воду, но куда брызги не долетают, постарается не жить, но наблюдать. Именно так выглядит коммуникация для человека с этим видом психопатии. Сережа отчаянно желал быть принятым в обществе, найти друзей и даже врагов, обрести настоящую жизнь, но всякий раз, когда он пытался это сделать, его накрывало волной.

2

Как он это сделал?

1965 г., Москва

Шестилетнего Сережу Головкина в детском саду считали отстающим в развитии ребенком. Он неплохо справлялся с заданиями на интеллект, но совершенно не умел работать в команде, так и не завел друзей и часто болел. Более того, мальчик то и дело мочился в штаны, из-за чего в детском саду стали требовать давать ему с собой сменную одежду. Воспитательницы были уверены, что Сережа пока не готов к школе. Однако отец, похоже, вознамерился воспитать из сына сверхчеловека, а Лариса, маленькая, невзрачная женщина с отрешенным взглядом, кажется, совсем не интересовалась жизнью ребенка. Она всегда выслушивала все, что ей говорили о Сереже, тяжело вздыхала и начинала пересказывать медицинскую карту, в которой были представлены практически все известные заболевания детского возраста. Затем Лариса благодарила воспитателей и забирала ребенка домой. Впрочем, самым примечательным было то, что мальчик больше не радовался приходу родителей. Когда мать появлялась в дверях игровой комнаты с притворной улыбкой на губах, он с преувеличенным интересом продолжал собирать конструктор.

В тот вечер Лариса с сыном вернулись домой как раз в тот момент, когда отец семейства уже допил бутылку водки, приготовленную женой с утра, и благополучно храпел на продавленной тахте. Такое теперь случалось примерно раз в два-три месяца. Александр Головкин принадлежал к числу тихих алкоголиков, которые никому, кроме домочадцев, проблем не доставляют. Лариса выдохнула с облегчением, увидев мужа мирно спящим в комнате, и отправилась на кухню, чтобы накормить сына ужином. Как и всегда в таких случаях, она включила радио, и по кухне разлился мерно журчащий поток не вполне понятных ребенку слов. Женщина наполнила тарелки едой, а потом пошла в коридор, взяла позорный мешок с вещами из детсада, бросила укоризненный взгляд на сына и принялась за стирку. Сережа страшился этих материнских взглядов сильнее, чем любой физической расправы, но чем больше он их боялся, тем чаще Ларисе возвращали испачканные вещи.

Вечером мать постелила сыну вместо простыни клеенку. В детском саду тоже так делали, и это воспринималось как высшая форма унижения.

– Теперь всегда так спать будешь, надоело стирать белье по три раза в неделю, – с плохо скрываемым раздражением сообщила она.

Сергей залез под одеяло и уткнулся лицом в подушку. Клеенка неприятно шуршала под ним.

Часа в три ночи в малогабаритной квартире с ее картонными перегородками раздался жуткий грохот. Александр Головкин очнулся от алкогольного забытья и, преодолевая себя, пополз в уборную. Зайдя в ванную, он снес головой недавно постиранные детские вещи. Увидев слетевшие с веревки детские колготки и трусы, мужчина сразу понял, что случилось, и рассвирепел. В следующую секунду он ворвался в детскую, сорвал с Сергея одеяло и зарычал:

– Я тебя научу, как нужно себя вести! Я тебя научу! Ты терпила или человек? Терпила или человек?! Отвечай!

Сергей с ужасом наблюдал за тем, как нависший над ним огромный монстр с внешне-стью отца стягивает с себя тренировочные штаны, чтобы научить его чему-то. Монстр ужасно пах, его лицо было искажено злобной гримасой. Озверевший отец принялся хлестать сына по

щекам. Так он пытался привлечь внимание ребенка, но мальчика каждый из этих ударов буквально отправлял в нокаут.

– За слабость нужно отвечать! Я тебя научу, как приходится за слабость отвечать...

Сергей не заметил, когда случилась очередная «катастрофа», лишь ощутил, как клеенка под ним стала постепенно теплеть. Головкин-старший увидел растущую лужу в центре кровати и скривился от отвращения. Это чувство оказалось столь сильным, что отрезвило его. Моментально навалилось тяжелое похмелье. Он бросил презрительный взгляд на сына, смачно плюнул на пол и вышел из комнаты. Лариса в тот раз так и не проснулась или не захотела признаться себе в том, что не спит.

В СССР вопрос детского энуреза относили к области возрастного развития, а иногда и вовсе предлагали изучать в рамках педагогики. Причины этой проблемы если и изучались, то только с точки зрения физиологии. В Штатах уже в те годы заметили определенную взаимосвязь между энурезом и социопатией, а в 1963-м была опубликована статья о так называемой триаде Макдональда. Согласно этой теории, энурез, зоосадизм и пиромания свидетельствуют о предрасположенности к совершению преступлений. Впрочем, причину и следствие потом поменяли местами. Энурез обычно возникает на базе чувства стыда и вины, это своего рода судорога психики. Ребенок так сильно боится опозориться, что мочится под себя регулярно, каждый раз получая все большую травму. На этой почве рождается социопатия, которая предполагает повышенный риск совершения преступлений.

Спустя несколько дней все вновь вошло в обычную колею. Александр Головкин стал по утрам уходить на работу, а по вечерам слонялся по квартире, выискивая недочеты. Он мог часами наблюдать за тем, как жена прибирается по дому, а потом начинал вдруг все переделывать, критикуя каждое ее действие. То же повторялось с готовкой, стиркой или подготовкой домашних заданий для группы детского сада. Александр никогда не повышал голоса, если был трезв. Он мог раз за разом методично повторять одно и то же, рассказывать, что Лариса неправильно закручивает банки с соленьями, не так вытирает пыль или готовит обед. Как именно нужно действовать, знал только он. Рано или поздно Лариса взрывалась, и остаток вечера превращался в пародию на скандал. Их ссоры никогда не переходили на повышенные тона, но супруги могли часами перебрасываться едкими комментариями и оскорблениями, а потом замолкали на день или даже неделю. Сына женщина считала недостаточно взрослым собеседником, поэтому на такие периоды в квартире воцарялась почти абсолютная тишина, прерываемая лишь звуками радио или телевизора.

Вечером в субботу по первому каналу показывали документальные передачи про Великую Отечественную войну. Эти моменты Сережа любил больше всего. Александр никогда не пропускал такие программы. Он всегда заранее усаживался перед громоздким цветным телевизором, смотрел новостной выпуск, а затем погружался в рассказы ведущего о чудовищных пытках в концентрационных лагерях или о сложных тактических военных операциях. Лариса устраивалась в кресле и принималась за рукоделие, вышивая очередную картину. Сереже разрешалось сидеть на полу возле ног отца. В конце концов, что плохого в том, что ребенок с детства изучает историю?

Сережа не интересовался описаниями военных стратегий, но всегда завороченно слушал рассказы об истязаниях узников в лагерях смерти. На экране возникали искореженные болью, страхом и отчаянием лица. Он впитывал эмоции этих людей, жадно следил за ними. В повседневной жизни он не видел никаких проявлений чувств. Лариса всегда ходила со скорбной гримасой безразличия на лице, а отец – с презрительной ухмылкой. Ни громкий смех, ни слезы навзрыд у них в семье не были приняты. Что подумают соседи, в конце концов? Они же все-таки в приличном доме живут, по соседству профессора и директора заводов. Лишь иногда, в дни запоя, Александр преображался. В такие моменты Сергей наблюдал за искореженной злобой физиономией отца. Подобные гримасы он замечал в фильмах про пытки в концлагерях.

Эти эмоции Сереже были знакомы, он их распознавал и понимал. Со временем они начинали интересовать его все больше. Вскоре мальчик уже в любом фильме ждал сцен, где герои будут страдать, и очень расстраивался, если таких эпизодов не было.

*Мне нравились фильмы о Второй мировой, я смотрел про концлагеря много передач. Еще с детства. Наверное, в этом причина. Это сделало меня таким, хотя отец считал, что эти передачи полезные и познавательные.
Из показаний Сергея Головкина*

Через несколько месяцев Сережа должен был пойти в школу. Детский сад выдал ему нелестную характеристику, согласно которой ребенку вполне можно было бы поставить задержку в развитии. Однако каким-то чудом мальчику удалось успешно выполнить все задания вступительного собеседования, и вскоре его зачислили в первый класс общеобразовательной школы № 167. Она считалась одной из лучших не только в районе, но и во всей столице. Там учились дети профессоров Московского авиационного института, сотрудников разнообразных НИИ, а также партийных работников. Головкина взяли в эту школу по той простой причине, что он ходил в детский сад при ней. Директору потребовались бы весомые причины, чтобы отказать ребенку в поступлении. В тот год наблюдался недобор учеников, поэтому решили не искать черную кошку в темной комнате и записали Головкина в первый класс.

Оставалась одна большая проблема: энурез у него не только не прошел, но и усугубился. Лет до трех ситуация казалась более или менее типичной, однако потом мальчик начал мочиться в постель с завидной регулярностью. В школе не принято прерываться на дневной сон, однако с определенного времени с Сергеем начали случаться «эксцессы» в самых разных ситуациях, причем далеко не всегда критических. Он легко мог обмочить штаны, если слышал поблизости громкий смех или крик, делал это в момент, когда на него обращали слишком много внимания. Чудом можно назвать тот факт, что он не описался во время вступительного собеседования.

На тестировании три незнакомые полные женщины бесконечно долго требовали от него то расставить картинки в правильном порядке, то сосчитать палочки, то прочитать по слогам стихотворение. Кроме того, за последней партой сидела мать. Она не выражала никаких эмоций, не пыталась ему помочь, подсказав правильный ответ, что нередко делали другие родительницы. Женщина просто наблюдала за тем, как справляется с заданиями ее сын. Сереже казалось, она буквально ждет его провала, а когда все закончилось, Лариса выглядела слишком разочарованной для матери будущего первоклассника элитной школы с математическим уклоном.

Придя домой, Сережа почти сразу уснул под аккомпанемент привычных унижительных разговоров о себе и под шелест клеенки.

– Удивительно, как он это сделал? Я была уверена, что ему не справиться ни с одним заданием. Знаешь, как он обычно впадает в ступор? Как бы теперь в классе не описался, а то ведь исключат, – вполголоса бубнила мать.

– Что за странная проблема? Он же знает, где туалет и как им пользоваться, – раздраженно возражал муж.

– Недержание мочи так называется, потому что моча не держится в организме.

– Нужно учить держать. Это все от недостатка спорта. Сидит весь день в четырех стенах, поэтому такой хилый и вырос. Закаляться нужно. Это ты чашки расставляла? Кто так делает? Говорил же, что они должны стоять ручками вперед...

– Наверное, – тихо и невпопад отвечала женщина, явно с трудом сдерживая раздражение.

В ту ночь Сережа спал безмятежным сном. Отец только недавно вышел из запоя. В первые пару недель после этого он неизменно испытывал чувство вины перед семьей и вел себя спокойнее обычного, изредка дарил подарки и преподносил жене цветы. Такие дни мальчик

любил. Можно было выпросить несколько лишних минут перед телевизором, а иногда даже взять книгу из отцовской библиотеки. В основном там были скучные издания про пиратов или путешествия, без картинок и с большим количеством текста на странице. Сергей пока был не способен их прочитать, но все равно очень радовался, когда отец торжественно вручал ему одну из таких книг.

– Подъем! – Крик Головкина-старшего ворвался в самые недра сознания и буквально разорвал сон в клочья. Так обычно происходило, когда отец появлялся в детской в период застоя, но сейчас ведь не такое время...

Мужчина рывком стащил сына с кровати и приказал немедленно следовать в ванную. Сергей, ничего не понимая спросонья, подчинился. Отец зашел следом и потребовал от ребенка, чтобы тот разделся и встал в ванну. В следующую секунду он открыл кран с холодной водой. Мальчик оцепенел от обжигающего холода. Александра реакция сына не удовлетворила, и поэтому он выкрутил кран до максимума.

Отныне этот ритуал повторялся почти ежедневно. Сергей возненавидел обливания, а вместе с этим стал ненавидеть просыпаться по утрам, а также саму школу, из-за которой ему теперь приходилось страдать.

Отец заставлял обливаться холодной водой в ванной. Очень неприятные ощущения. Мама в конце концов запретила ему это делать, но я с тех пор как-то не люблю все водные процедуры, не купаюсь и даже души принимать разлюбил. Вдруг холодная вода пойдет, понимаете?
Из показаний Сергея Головкина

Стыд и унижение стали главными связующими звеньями его отношений с людьми. Всякое общение грозило тем, что он может опозориться и это вызовет гнев и брезгливость. Эти чувства Сергей научился легко распознавать в людях и постепенно стал узнавать в себе. Радость, восхищение и восторг тоже существовали в окружающем мире, но они отходили на второй план. Впереди шли гнев и брезгливость. Плачущий капризный мальчик в грязных пеленках пробуждал в родительских сердцах лишь раздражение и неприязнь. Чуть позже он стал вызывать те же чувства из-за своего энуреза. Почему так происходило? Человеку жизненно необходимо осознавать, что он существует в глазах других людей, играть свою роль в семье или в любой другой группе. Страшнее всего быть непринятым коллективом, осмеянным и исторгнутым из общества. Не зря вместо смертной казни в большинстве примитивных обществ практиковалось изгнание из племени. Такого наказания боялись больше смерти. Впрочем, есть кое-что похуже отверженности – не быть вовсе. Если тебя ругают, значит, замечают. Именно поэтому многие дети, не получив похвалы, начинают капризничать, рушить все вокруг, совершать неблагоприятные поступки, делать все возможное, чтобы заявить о себе. Сергей знал только гнев и брезгливость, но чтобы вызвать их, ему всякий раз нужно было сталкиваться со своим главным страхом. Головкин добивался внимания только посредством собственного унижения, и впоследствии, когда окружающие проявляли к нему интерес, он вспоминал об этом унижении. И все же пока он оставался человеком и не хотел становиться невидимкой.

3

На севере Москвы

1965–1970 гг.

В начале 1960-х в Левобережном районе предпочитали не вспоминать о том, что еще недавно это место считалось глухой деревней. Один за другим здесь возводились белые блочные дома с абсолютно одинаковыми фасадами. Несколько магазинов, напоминавших сельпо, закрыли, и вместо них появились универсамы и универмаги. Открылось метро, построили кинотеатр «Нева», облагородили несколько стихийно образовавшихся парков, отреставрировали старинные усадьбы. В пятиэтажках обычно жили сотрудники близлежащих заводов и фабрик, а вот в новых, девятиэтажных домах давали квартиры научной интеллигенции, поэтому очень скоро район превратился в своего рода наукоград: интеллектуальный островок в черте города.

Сережа Головкин стал учеником школы № 167 имени маршала Говорова. Первого сентября 1967 года мальчик в новой школьной форме и с большим букетом гладиолусов в руках вошел в класс. Вслед за другими учениками он положил цветы на стол учительницы и выбрал место за партой. Последовал классный час, а затем три первых урока. На переменах дети с шумом носились по классу и школьным коридорам, которые учительница называла «рекреациями». Сережа оставался сидеть на своем месте. Никто из знакомых по детскому саду к нему так и не подошел, а сам он боялся к кому-то приблизиться. К концу второго урока ему нестерпимо захотелось в туалет, но он боялся поднять руку и отпроситься. Собственно, такой вариант ему даже не приходил в голову. У него не было ни малейшего понятия, где в школе расположен туалет. Как же он туда пойдет? Покидать класс во время урока строго запрещено. Никто еще не осмеливался выйти посередине занятия. Сережа приготовился к позору, о котором без конца твердили родители. Ему представилось, как отец с утроенным энтузиазмом начнет обливать его ледяной водой, а мать теперь всегда будет смотреть тем взглядом бесконечного разочарования и усталости, которым она обычно одаривала его, когда он делал что-то не так. Еще утром он был полон решимости ни за что не допустить этого, но сейчас его решимость куда-то подевалась.

Учительница объясняла новую тему, когда Сережа украдкой засунул руку в карман форменных брюк и зажал свой пенис так, будто собрался его оторвать. Неожиданно стало легче. В такой позе он смог досидеть до перемены, а потом даже успел в туалет. Трагедии не произошло, но теперь мальчик был уверен, что все видели, чем он занимался. К концу учебного дня эта мысль стала постепенно сводить его с ума. Когда прозвенел звонок с последнего урока, Сергей пулей вылетел из класса и побежал домой. Он не учел одного: на следующий день ему нужно было снова идти в школу.

Мне становилось легче, когда я держал его под контролем, но начинало казаться, что все это видят, чувствуют. Страшно было представить, что вызовут родителей в школу с одеждой. Этот способ облегал мою жизнь в школе, и я не мог от него отказаться.

Из показаний Сергея Головкина

- Как дела в школе? – вполне добродушно поинтересовался отец, когда Сергей вернулся домой. – Успел опозориться или утерпел?
- Утерпел, – коротко ответил сын с гордостью и стыдом одновременно.

– А оценки какие получил? – тем же тоном, но безо всякого видимого интереса спросил Александр, перевернув страницу толстого журнала, лежавшего на кухонном столе.

– Нам не ставили оценки, – оторопел Сережа.

– Значит, двойка. Сейчас детей жалеют, поначалу двойки не ставят, чтобы не расстраивались.

– Нет, правда не ставили, – растерянно возразил мальчик.

– Покажи тетрадки, – потребовал отец, оторвавшись наконец от чтения.

Сережа принес из прихожей черный ранец первоклассника и водрузил его на стол. Отец наугад достал одну из тонких зеленых тетрадей и принялся ее листать. На первой же странице обнаружилась косая черта с точкой и несколько подчеркнутых букв.

– Я же говорил. – Александр удовлетворенно откинулся на спинку стула. Мужчина посмотрел на ребенка, который с искренним изумлением разглядывал исчерканные страницы и, казалось, даже не помнил, как все это писал и когда кто-то успел что-то проверить. Отец презрительно скривился, схватил сына за шею и стал тыкать лицом в раскрытую тетрадь.

– Кто это сделал? Я тебя спрашиваю, кто это сделал?! – шипел он. – Двоек, говоришь, не получал? Да что ты еще, кроме двоек, можешь принести?

– Нет же...

– Что «нет же»?

– Оценки нет, – захныкал Сережа.

– Потому что тебя пожалели. Ты так жалок, что тебе даже оценки не ставят.

– Оценки нет, – бессмысленно повторял мальчик, понимая, что сейчас трагедия все-таки произойдет и на школьных брюках появится мокрое пятно.

Отец еще раз ткнул его лицом в тетрадку и отпустил, брезгливо глядя на размазанные кляксы, появившиеся на бумаге, и на следы черточек и галочек на детском лице.

– Получишь двойку – ты нам с матерью больше не сын. Посмотрим, сколько тебя там жалеть будут, – процедил Головкин-старший, вновь открывая толстый журнал, посвященный достижениям науки и техники.

Сережа усвоил урок и ни разу не принес домой плохой оценки. Впрочем, он подозревал, что дело было в жалости учительницы, которая всегда как-то чересчур по-доброму относилась к нему, слишком участливо выспрашивала о том, как у него дела и приготовил ли он домашнее задание.

За Головкиным закрепилось место за третьей партой в центральном ряду. Никому не нравилось здесь сидеть, так как учительница имела привычку именно возле нее рассказывать новую тему. Пересаживаться без разрешения учителя было нельзя – незачем приятелям сидеть рядом и без конца шушукаться на уроках. Иногда расшалившихся школьников разводили по разным частям класса, и тогда, случалось, у Сережи появлялся сосед по парте. Однако Головкин, все это время мечтавший о том, как будет сидеть рядом с кем-то, чувствовал панический страх, который сжимал горло, едва к нему кто-то подсаживался. Учительница сразу поняла, что мальчик плохо переносит повышенное внимание, поэтому старалась не вызывать его лишней раз к доске. Все письменные задания Сережа выполнял с легкостью, редко получая за них оценку ниже пятерки.

По утрам отец продолжал обливать его холодной водой, хотя это случалось уже не каждый день. Благополучно отсидев положенное количество уроков, Головкин вместе с большинством одноклассников бежал в музыкальную школу, чтобы постигать основы сольфеджио и вокала. Никаких особенных способностей к музыке у него не наблюдалось, но и хуже других он не был. Окончить музыкальную школу считалось своего рода хорошим тоном, признаком интеллигентности. Все ребята, конечно, жаждали освоить гитару, чтобы по вечерам во дворе блистать своими навыками. Но обычно их отправляли либо в класс пианино, либо в класс

флейты. Особенно талантливые обучались игре на скрипке, а те, кого природа не наградила музыкальным слухом, – на гитаре, ударных или балалайке.

Очень скоро большинство мальчишек поняли, что посещать музыкальную школу вовсе не обязательно, и стали пропускать занятия. Конечно, играть на гитаре хотелось всем, но часами сносить крики учителя по сольфеджио или терпеть удары линейкой по пальцам на занятиях по специальности было не очень весело. Гораздо интереснее провести время во дворе – гонять мяч или общаться с компанией, вечно торчащей возле гаражей.

Сережа посещал все занятия, поэтому, несмотря на весьма скромные способности, обычно имел неплохие оценки. Проблема заключалась в том, что перейти из класса в класс в музыкальной школе можно было только одним способом – выступив на показательном концерте-экзамене. Участие было обязательным для всех учеников. Школьники классом постарше исполняли более сложные произведения, а начинающие готовили простенькие музыкальные пьесы или народные песни. В конце первого года обучения Головкин должен был принять участие в таком концерте. Он знал свою незамысловатую пьесу досконально, несколько месяцев подряд репетировал и мог даже во сне исполнить ее безупречно, но в день концерта ему неожиданно стало плохо.

Сережа все же отправился на концерт. В школе все стояли на ушах. Девочки впервые пришли не в форменной одежде, а в бархатных платьях. Естественно, тут же начали отлетать ленточки и пуговицы. Кто-то убегал рыдать в туалет, кого-то учителя отправляли переодеваться из-за слишком яркого наряда или недостаточно торжественного вида (обычно это относилось к мальчикам, которые явились в школьной форме с ободранными локтями, засаленными и перепачканными в чернилах манжетами). В суматохе никто не замечал Головкина, который вплоть до своего выхода сидел на приставном стуле в зрительном зале. По мере того как приближалась его очередь отправиться на сцену, он бледнел и зеленел, из-за чего у него под глазами все отчетливее проступали темные круги.

– Сергей Головкин. Первый класс. Флейта. Музыкальная пьеса... – произнесла учительница в темно-бордовом платье. Договорить она не успела. Сережа почувствовал подступившую к горлу тошноту, сорвался с места и выскочил из зала. Женщина запнулась, извинилась перед зрителями и начала объявлять следующего ученика. Мальчик опорожнил желудок в коридоре, заглянул украдкой в актовый зал, понял, что его имя просто пропустили, и направился к выходу. Он пока не знал, что скажет матери, но твердо решил ни при каких обстоятельствах не возвращаться в музыкальную школу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.